

К полудню, когда первые солнечные лучи уже успели пробиться сквозь утреннюю дымку и согреть воздух, мама и Томоэ наконец-то проснулись. Дом, который до этого был тих и казался погружённым в полусон, ожил — пространство наполнили привычные звуки: звон посуды, шуршание шагов по деревянным полам и тихий, ровный голос матери, всегда спокойный, как и она сама, даже в такие ленивые утренние часы.

Я уже давно был на ногах. Сидя за столом, я наблюдал, как Томоэ, едва открыв глаза, потягивается, а мама с едва заметным упрёком взглядывает на часы, будто те виноваты в том, что утро прошло так быстро.

— Ну что, готовы наконец-то выбраться в город? — улыбнулась Сэнко, аккуратно перекладывая последний ломтик хлеба на тарелку и глядя на нас с сестрой.

Мы быстро перекусили, привели себя в порядок и, наконец, вышли на улицу.

Киото встретил нас лёгким зимним воздухом, насыщенным ароматами дерева и свежести. В это время в этой части Японии не было ни резкости, ни колкости, как на севере, лишь прохлада. Где-то вдали звучали мягкие звонки храмов, смешиваясь с приглушёнными голосами прохожих, создавая странно спокойную и размеренную картину.

Я огляделся вокруг, и самым примечательным сразу стала Сэнко. Замаскированная под человеческую девушку, она выглядела совершенно обычной — даже мой Джоган не мог пробиться сквозь её маскировку, чтобы увидеть лисьи уши или хвост. Она была одета просто, но с утончённой элегантностью. Её обычно сияющие мудростью глаза теперь выглядели буднично, но это не отнимало её загадочности. В толпе она легко растворялась, но в то же время оставалась той, кто словно бы скрывает под этой маской нечто большее. Впрочем, возможно, это самая обычная иллюзия, созданная моим собственным восприятием, ведь я-то прекрасно знал, кто она на самом деле.

Сам Киото жил своей привычной жизнью. Люди неспешно шли по делам, туристы фотографировали каждую деталь, которая попадалась на глаза, а по улицам то и дело проезжали автомобили и велосипеды. Мы с мамой, Сэнко и Томоэ шли, оживлённо болтая о самых разных вещах. Сестра, как всегда, увлечённо делилась знаниями о новом ведьминском искусстве, которое она начала изучать, и мама — на удивление улыбаясь и внимательная — поддерживала разговор, кивая и добавляя что-то своё. Сегодня она выглядела как настоящая мать, не та, что цинично огрызалась на всех вокруг и казалась не от мира сего, а та, которая гуляет с нами по городу, соглашается на наши капризы и безмятежно улыбается. Если бы я не знал, кто она на самом деле, то, пожалуй, воспользовался бы моментом и попросил её научить меня магии... Но я-то знаю, какой дьявол скрыт внутри!

Мы шли по улочкам города, погружённые в свои разговоры, пока не дошли до нашей первой остановки — храма Фусими Инари.

Когда мы подошли к его красным воротам — тории, я заметил, как Сэнко немного замедлилась, а её взгляд стал более сосредоточенным. Она могла маскироваться под обычного человека, но это место что-то пробудило в ней.

— Красиво, да? — голос Сэнко был лёгким, но в нём чувствовалась искорка, словно ей не терпелось услышать мой ответ. Она взглянула на меня с лукавой улыбкой, её глаза, обычно спокойные, на мгновение блеснули озорством. — Я всегда любила такие места.

Понятное дело. Кто, как не она, мог наслаждаться уборкой и прогулками под тысячами ярко-красных ворот? Человек — точнее, ёкай, с такой философией уж точно найдёт утешение среди

этих величественных тории, тянувшихся бесконечной чередой.

— Как для кого, — буркнула Томоэ, сверкая взглядом на длинные лестницы и нескончаемый ряд красных арок. — Я бы предпочла что-то новое...

Мама рассмеялась, её смех прозвучал мягко, словно это было что-то, к чему она давно привыкла:

— Ты всегда была непоседливой.

Я же промолчал. Не потому, что не хотел высказаться, а потому что был занят совершенно другим. Фусими Инари — священное место, и я ощутил, а точнее, увидел это, как только вступил на территорию храма. Мои Чистые Глаза открывали передо мной мир, который обычные люди не могли видеть. Всё пространство было наполнено пышной зелёной дымкой, которая словно дышала и пульсировала. Она струилась сквозь ворота, пропитывая землю под ногами, обволакивала древние каменные дорожки и устремлялась вверх по ступеням, сливаясь с храмом.

Эта дымка — не просто аура этого места, это был поток жизни, энергия, которую я чувствовал как нечто естественное и древнее, часть чего-то огромного и непостижимого. Хотя подобную энергию я встречал и в других местах — от Куо до Токио и от Токио до Киото — здесь она была иной. В этом храме она казалась особенно густой, почти осязаемой. Если в обычных условиях она напоминала прозрачный туман, здесь её плотность напоминала дым, который мягко струился у ног, заполняя пространство.

И, конечно, я прекрасно знал, что это за энергия. Ведь “Дыхание и Ходьба”, которое я теперь использовал почти постоянно, позволяло мне поглощать именно её. Здесь, в этом месте, где её было в избытке, я чувствовал себя так, словно до этого дышал затхлым воздухом мегаполиса, а теперь вдруг оказался в девственной природе. Разница была настолько ощутима, что каждый вдох наполнял меня новым ощущением, свежестью и силой, которые невозможно было не заметить.

Моё созерцание оборвалось, когда рядом раздался голос Сэнко:

— Твой сын, — её голос был тихим, но в нём явно слышалась удивлённая нотка.

— Без понятия как, но да, он видит куда больше, чем обычные люди, — мама ответила невозмутимо, как будто уже давно приняла этот факт.

— Ты без понятия? — в голосе Сэнко было смешанное чувство шока и лёгкого раздражения. — Нет, стоп, я не об этом...

Я был удивлён, что она это заметила... Даже зная, что Сэнко — подруга моей матери, я не был настолько самонадеянным, чтобы открыто взаимодействовать с жизненной энергией в её присутствии. Именно поэтому я несколько раз использовал “Дыхание и Ходьбу” прошлой ночью за разговором, чтобы проверить, как она отреагирует. И тогда всё прошло гладко — она ничего не заметила. Но сейчас...

Мама лишь пожала плечами и, улыбнувшись, добавила:

— Он так мне мстит за то, что я не стала учить его магии.

— Ты не учила его магии? — удивление Сэнко усилилось, она явно не ожидала такого ответа. —

Ладно, не хочу в это вникать...

— Ты же меня знаешь, — с мягкой усмешкой ответила мама, как будто это объясняло всё.

— Он ведь твой сын... — Сэнко прошипела сквозь зубы, её голос в этот момент звучал удивительно сдержанно.

— Всё нормально, — вклинился я в их разговор, пытаюсь избавиться от этой атмосферы. — У нас... своеобразные отношения. И, честно говоря, так даже проще.

Это была чистая правда. Не знаю, как бы я себя повёл, если бы на месте Микото была другая, более заботливая мать. В моей прошлой жизни у меня уже была одна такая, и заменить её или забыть — задача не из лёгких, даже если в последнее время я всё реже вспоминаю о личной жизни своей прошлой жизни. А вот с такой матерью, как Микото, мне никогда не было скучно. Да и её эксцентричный стиль в воспитании научил меня многому. В конце концов, несмотря на всю свою странность, она всегда обеспечивала меня всем необходимым. А когда я рассказал ей об Акено, она сразу поняла, что та — не обычный ребёнок, и приняла это к сведению, впоследствии защищая меня, когда я пошёл на день рождения девочки.

— Кстати, насчёт того, что вы сказали до этого, — добавил я, решив вернуться к странной зелёной дымке. — Скажем так, это моя ведьмаческая особенность.

Сэнко взглянула на меня, как на какое-то редкое существо, которое она увидела впервые за все свои столетия. Что поделать, даже для неё человек, который может так легко взаимодействовать с жизненной энергией, явно был редкостью.

В отличие от Сэнко, мама и Томоэ обменялись понимающими взглядами. Они уже давно привыкли к тому, что я называю себя ведьмаком, и, кажется, это их больше не удивляло.

— Ты ведь знаешь, что это? — спросила Сэнко.

— Прана, — невозмутимо ответил я. — Я довольно прилежный самоучка... кхм, — я слегка скривился от того, что Томоэ ущипнула меня за бок. — и ученик из меня тоже неплохой.

— Просто отстойный, — хмыкнула Томоэ.

Прана... Этот термин всегда вызывал у меня особое любопытство. Моя любимая теория о пране берёт своё начало в шумеро-вавилонской мифологии. В ней говорится, что небо и земля — это супруги, и прана, восходящая от земли, и мана, нисходящая с небес, — это проявление их любви друг к другу. Их союз создаёт баланс, и именно в этом соединении, в постоянной циркуляции праны и маны, рождаются все сверхъестественные существа. Согласно древнему преданию, мы — их дети, дети неба и земли.

Если же углубляться в детали, прана — это дыхание планеты, жизненная энергия, пронизывающая всё живое: от людей до сверхъестественных существ. Но есть важное различие — прана, циркулирующая в природе, в земле, растениях и воздухе, — это одна форма, а та прана, что течёт в живых существах, уже становится жизненной энергией. Именно эта жизненная энергия делает нас живыми.

Использование чистой праны — это сложная задача. Она труднее для освоения, чем любая другая энергия, а те, кто научился ей управлять, получают титул мудрецов. Само искусство управления жизненной энергией и праной называется Сэндзюцу. Овладеть Сэндзюцу — значит стать единым с природой, чувствовать дыхание планеты и направлять его потоки.

Если рассуждать откровенно, в каком-то смысле я обладаю базовой версией Сэндзюцу. Благодаря технике "Дыхание и Ходьба" я могу использовать дыхание жизни, что позволяет мне поглощать прану. Именно это, кстати, и заметила Сэнко... Честно говоря, я даже немного недоволен тем, что она только сейчас это заметила. Походу на нынешнем уровне "Дыхания и Ходьбы" я имею настолько ограниченную связь с праной, что кицунэ заметила это лишь тогда, когда мы оказались в месте, которое просто-напросто подталкивает меня взаимодействовать с большим количеством праны. Да, я настолько далёк от уровня настоящего мастера Сэндзюцу, что меня и учеником-то назвать нельзя.

— Думаю, даже твоя мать не всё о тебе знает, — Сэнко ухмыльнулась, её голос был наполнен той самой хитростью, от которой по спине всегда пробегают лёгкий холодок.

Мама подняла взгляд, её лицо было спокойным, но в глазах мелькнула тень интереса.

— О чём ты? — спросила она, как будто это был обычный разговор за чашкой чая.

О том, что ты знаешь, что я вижу прану, но понятия не имеешь, что я могу ею дышать... Конечно, вслух это я не скажу. Как мама и сказала, я ей так мщу.

Я сделал вид, что задумался, а затем с притворной серьёзностью добавил:

— Где-то слышал, что залог здоровых отношений — это оставлять некоторые аспекты личной жизни в тайне. — Я подмигнул, словно это была старинная мудрость, которой я действительно следовал.

Сэнко не замедлила с ответом, она склонилась ближе и прошептала, но так, чтобы мама и Томоэ слышали:

— Мысль настолько глупая, что у меня аж мурашки. Но знаешь что, я тебе подыграю.

— Вы же не думаете, что это сработает на мне? — мама прищурила глаза, её голос прозвучал с той самой провокационной ноткой, которую я хорошо знал.

— Конечно нет! — Сэнко замахала руками, словно пытаюсь развеять напряжение в воздухе. — Даже и не пыталась бы.

— Зная тебя, думаю, сработает, — я ухмыльнулся, бросив взгляд на маму.

<http://tl.rulate.ru/book/114079/5030333>